

народной песенной традиции западных русских территорий // Экспедиционные открытия последних лет. СПб., 1996. С. 72—87.

Калинина 2009 — Калинина Е. А. Литургический текст и его прочтение в народной традиции // Экспедиционные открытия последних лет: Статьи и материалы. Вып. 2: Народная музыка, словесность, обряды в записях 1982—2006 гг. СПб., 2009. С. 98—111. (Сер. Фольклор и фольклористика).

Подрезова 2002 — Подрезова С. В. Некоторые аспекты соотношения поэтического текста и напева в народных распевках пасхального тропаря «Христос воскрес» // По следам Е. Э. Линевой / ред.-сост. А. В. Кулев. Вологда, 2002. С. 266—276.

Подрезова 2009 — Подрезова С. В. Народные распевы пасхального тропаря «Христос воскрес» в традициях Верхнего Поднепровья. Автореф. дис. ... канд. иск. СПб., 2009.

Попова 2004 — Попова И. С. Интонируемые выкрики — парадоксы абсолютного и относительного // Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой. М., 2004. С. 226—238.

Светлые дни 1904 — Н-ъ. Светлые дни // Новгородские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 483—488.

Теплова 2003 — Теплова И. Б. Народный распев пасхального тропаря «Христос Воскресе!» в традиции северо-западных областей России // Традиции и современность. 2003. № 2 (2). С. 103—106.

Чернова 2009 — Чернова (Чернова) Е. А. Пасхальный тропарь «Христос воскрес» в беларуской этнапесенной традиции // Музыкознание к началу XXI века: состояние и перспективы / сост. и науч. ред. Е. Н. Дулова. Минск, 2009. С. 28—40.

Сокращения

АФЭЦ — Архив Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

ОАФ — основной аудиофонд.

ЕУ — Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ПФ — Полевой фонд.

Summary. The article considers the question of correlation between tradition and innovation in the Russian folk culture as exemplified by Easter hymns. The materials of study are field interviews of the late of XX century as well as published sources of the pre-revolutionary period.

Key words: folk tradition, innovation, Easter hymns.

Е. В. САМОЙЛОВА
(Санкт-Петербург)

РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ПРАКТИК

(на примере ритуальной рубки
капусты в Бокситогорском районе
Ленинградской области)

Аннотация. Рассматриваются трудовые женские практики, связанные с выращиванием и заготовкой капусты. Внимание фокусируется на их ритмической организации. Ритм анализируется как с позиций специфики его проявлений в обрядовых практиках, так и в широком понимании, как организующее начало, противостоящее хаосу.

Ключевые слова: ритм, «капустки», рубка капусты, сечка, трудовые практики.

На протяжении последнего столетия, с времени выхода в свет в 1899 г. работы К. Бюхера [Бюхер 1923], в кругу исследователей продолжает сохраняться устойчивый интерес к звуковой и ритмической организации трудовых ритуалов (жатва, молотба, пивоварение, сплав и пр.) [Лобкова 2000, Парадовская 2002]. Рассматриваемые в этой статье «Капустки» относятся к одной из разновидностей трудовых практик, сохранявших свою актуальность до недавнего времени, и неоднократно попадали в поле зрения ученых [Сахаров 1997, 268—269; Коринфский 1995, 403—405; Забылин 1990, 95; Усачева 2004, 457—461; Громыко 1975, 79; Бернштам 1988, 127]. Обычно отмечают их женский или девичий состав и характеризуют их как разновидность сезонных коллективных работ — один из видов помощи, наряду с навозницей, супрядками, поспрядухой, избомытьем. Внимание авторов перенесено на молодежные увеселения, инициированных «капустками», чем на организации трудового процесса. Авторские полевые материалы, собранные в Бокситогорском р-не Ленинградской обл. с 2005 по 2009 гг., позволяют заполнить существующие лакуны в исследовании такого вида сельскохозяйственных работ. Для раскрытия темы

привлекаются публикации XIX—XXI вв. Сравнительный материал других восточнославянских традиций используется в тех случаях, когда возникает необходимость прояснения отдельных элементов ритуальной практики.

В этой статье я предлагаю рассмотреть «капустки» с точки зрения их ритмической организации. Изложение материала связано с интерпретацией понятия ритма. В теории геологических ритмов, разрабатываемых отечественными учеными XX в., ритм — это более или менее строгое повторение геологических процессов во времени. В концептах этой теории Е. А. Маковецкий определяет повторяемость как основной принцип включения ритма во временные структуры [Маковецкий 2004, 5]. В широком понимании, ритм представляется как «временная структура любых воспринимаемых процессов, образуемая акцентами, паузами, членением на отрезки, их группировкой, соотношениями по длительности и т. п.» [Харлап 1975]. Ритм трудовых практик вписывается в парадигму организации космического и социального порядка, основанного на постоянном воспроизведении Начала [Байбурин 1993, 34]. «Капустки» относятся к сезонным трудовым ритуалам, связанным с переменой рода сельскохозяйственной деятельности (посадка/созревание плодов/уборка). Они направлены на упорядоченность жизни коллектива и таким образом противостоят разрушению, дезорганизации, хаосу. Исходя из этого, можно представить все виды сельскохозяйственных работ, связанных с выращиванием, уборкой и заготовкой капусты, как некоторую ритмическую последовательность трудовых практик, чередующихся на протяжении определенного периода времени (календарного года). В этом случае под ритмической единицей следует понимать определенный вид сельскохозяйственной деятельности в соотношении с определенной точкой времени и пространства [Байбурин 1993, 22]. Необходимо учитывать относительность пространственно-временных границ ритмической единицы, их некоторую расплывчатость, объяснимую климатическими особенностями региональной зоны.

С другой стороны, возможно рассмотрение ритма с точки зрения прагматики ритуала¹. Внимание автора будет сконцентрировано на особенностях ритмической организации (текстовой и музыкально-ритмической), в основном, на примерах, записанных в деревнях Бокситогорского р-на Ленинградской обл. Не менее важно понять направленность трансформаций, фиксируемых в современных практиках.

Прежде чем перейти к рассмотрению трудовых практик, связанных с выращиванием капусты, кратко обозначу те мифологические представления, которые оказывали влияние на последовательность выполнения сельскохозяйственных работ и распределение ролей среди участвующих. В народной культуре взаимоотношения «земля — человек» прочитывались через символику семейно-брачных отношений (семантика/прагматика ритуала). Т. А. Бернштам приводит примеры восприятия земли как роженицы [Бернштам 1988, 135]. Символика полевых работ выражается в образах «оплодотворения», «зачатия», «вынашивания плода», «родов». Распределение мужских и женских ролей аналогично брачным. Мужчины засеивали землю, а женщины участвовали в вынашивании плода, уборочных работах («родах»). Несмотря на то, что огородничество было разновидностью земледельческих работ, здесь наблюдался целый ряд отличий от норм, принятых в полеводстве. Их изменение могло быть связано как с периферийной позицией огородни-

¹ Придерживаясь ритуальной шкалы, предложенной А. К. Байбуриным, размещаю «капустки» (как разновидность помочей) на ее нижнем уровне, по соседству с окказиональными обрядами: «Два основных типа обрядов имеют свои “продолжения” на более низких уровнях ритуального текста традиции. Сбои в ритме социальной жизни коллектива регулировались с помощью таких коллективных окказиональных обрядов как, например, ритуал вызывания дождя в случае засухи, опахивания селения при эпидемиях и падежах скота. <...> На более низком уровне ритуализации линия коллективных обрядов продолжается в различного рода помочах и толоках по таким “регулярным” поводам, как, например, уборка урожая, трепанье льна и т. п.» [Байбурин 1993, 18—19].

чества в земледелии, так и с приближенностью огородных участков к дому. Известны случаи, когда участок под огород отводился на обрабатываемом крестьянином поле. Или, когда огородная культура становилась полевой, перемещаясь с приусадебных грядок в поле во времена коллективного хозяйствования. Как, например, картофель, капуста и морковь (Зап. от И. М. Никуленкова, 1927 г. р., М. А. Никуленковой, 1928 г. р., д. Климово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]). Но поскольку в большинстве рассматриваемых источников указывается на приближенность огорода к домашнему пространству, буду придерживаться наиболее распространенного варианта [Гавришина 2010, 43–46]. Последнее способствовало их слиянию с повседневными женскими хозяйственными практиками.

Огородничество считалось женским занятием: «если посадит овощи мужик, то они зацветут, но не дадут плода» [Бернштам 1988, 151]. Но здесь, как и в полеводстве, существовали свои исключения². В Череповецком уезде Новгородской губернии мужчины помимо обычных мужских работ (распахивание земли под огороды, установление или ремонт подгнившей за зиму ограды из деревянных кольев) занимались *севом овощей*. «После сева крестьяне принимают за новую работу — *городить огороды* (огородами в данной местности называется сделанная из кольев и жердей ограда, которая отделяет землю крестьян одного общества от другого). Собираются всем обществом, обходят кругом все поля, выгоны и лес, осматривают огороды, и если у кого худой огород, чинят его или делают новый. Так как эта работа иногда происходит вдали от дома (есть огороды версты за три или четыре от села), то в таких случаях обедают, паужинают³ и отдыхают на месте, где происходит работа. Домой приходят только к ужину. Работа эта продолжается дня четыре или пять. Все

² Они касались сева растительных культур, природа которых связывалась с женским началом (конопля, лен).

³ Название полдника — Е. С. См.: [Зеленин 1991, 151; Даль 1998, 25]

огороды разделены, и каждый крестьянин знает свой огород и за него отвечает» [Антипов 2009, 575]. «<Мужики. — Е. С.> иногда помогают бабам копать гряды в огороде и садить картофель, сеют, или как говорят здесь, “плюют” *капустные семена на рассадики* (курсив мой. — Е. С.)» [Антипов 2009, 303]. На Украине мужчины участвовали в посеве «мужских культур». Чтобы свекла (буряк — укр., существительное мужского рода) уродилась без горечи, они выходили в огороды в страстную субботу, сеяли натошак, затемно: «коли не видно диму з хат», до растопки печи. Посадка остальных овощей проводилась только после того, как печи были вытоплены. Гряды должны быть так же полны, как и горшки в печах [Максимович 2002, 31]. Рассмотренные выше исключения возвращают нас к классическому варианту — «мужик-сеятель».

Символика брачных отношений прочитывалась и в распределении ролей между участниками трудовых практик, и в их ритмической организации. Цикл полевых и огородных работ («сев — созревание — уборка») представляется как проекция родильной обрядности («зачатие — вынашивание — роды»). Основные обрядовые действия приходятся на весну и осень, т. е. совершаются в начале и конце обозначенного периода, маркируя его границы. Весной «будили» землю, выполняли необходимые подготовительные работы, сеяли семена и проращивали рассаду. Осенью убирали урожай и занимались заготовительными работами. Созревание плодов, в соотношении с уборкой и севом, занимало наибольший отрезок времени. В то же время это был наименее ритуализированный период (речь идет об окказиональных обрядах, которые могли совершать в случае засухи, дождя и пр.). Очевидно, что рассматриваемые ритуалы неравномерно распределяются на временной шкале. Они образуют ритмическую сетку, в которой наибольшая частота обрядовых действий приходится на начальный и конечный отрезки календарного периода.

Перейдем к рассмотрению последовательности сезонных работ, связанных с выращиванием и заготовкой капусты.

Начало интересующих нас сельскохозяйственных практик приходится на весенние месяцы календарного года. Подготовка к пахоте и севу проходила в несколько этапов, самый ранний из которых был связан с пробуждением земли и сопровождался «призывами весны» [Бернштам 1988, 147]. Прагматика сельскохозяйственных работ этого периода предполагала распашку земли, копанье гряд, внесение навоза и подготовку семян. В работах принимали участие мужчины и женщины, при этом их обрядовые функции «не повторяли, а дополняли друг друга, что особенно четко проступает в вербальной части обрядов: первые произносили просительные молитвы (к Богу), вторые — заговоры и заклинания» [Бернштам 1988, 135]. Иное отношение было к севу, который воспринимался как «половой акт и оплодотворение земли» и «мыслился исключительно мужским делом. Участие женщин в посевных работах рассматривалось как “грех”» [Бернштам 1988, 137], даже в тех случаях, когда это было вызвано жизненными обстоятельствами. Исключения возникали при севе растительных культур, природа которых связывалась с женским началом (конопля, лен). В огородничестве распашка земли оставалась уделом мужчин, которые находились в родственных отношениях с женщиной, занимавшейся посадкой овощных культур (племянник, брат и пр.)⁴. «Если поехал у меня двоюродный брат свою гряду распахать, ты и скажешь: “Мою распаши”» (Зап. от В. Н. Князевой, с. Никольское, Кадуйский р-н, Вологодская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2010]).

Семантика подготовительных трудовых практик легко просматривается в дифференциации мужских и женских ролей. Традиционно мужик оставался пахарем и сеятелем, а в ведении женщин и девушек находилась ритуальная выпечка, организация обрядовых игр, исполнение песен, соотносившихся с представлениями об их магическом воздействии на растительные культуры. Именно они становились участниками обрядов, направленных на стимуляцию продуцирующей силы земли.

⁴ Ср. с полевыми работами.

Посадка капусты следовала за выполнением подготовительных работ, связанных с подготовкой земли к севу. Подготовка посадочного материала и последующий уход за ним осуществлялись женщиной. В зависимости от климатических условий определялось время посевных работ. В северо-западном регионе этот период приходился на конец апреля — начало мая. Удачным днем для посадки считался день Евдокии Рассадницы (Зап. от В. Н. Князевой, с. Никольское, Кадуйский р-н, Вологодская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2010]). Время посадки характеризовалось теми же терминами, что и физиологическая готовность девушки к семейно-брачным отношениям — «пора», «зрелость», «ждали, когда земля созреет» (Зап. от Е. И. Федоренко (около 65 лет), А. В. Белошевиченко, 1925 г. р., с. Шмыгли, Полтавский р-н, Полтавская обл. Соб. Е. Самойлова [ПМА. ЛА, 2010]). О готовности земли к посевным работам судили по различным приметам, в т. ч. и по предсказаниям «знающих» — наиболее опытных жителей деревни. Так, женщины из с. Малая Рублевка Котелевского р-на Полтавской области прислушивались к советам старого деда Грюнзака, который пользовался проверенным временем способом: *«Это уже бабушка и мама рассказывали. Дед был <...> он спустит портки, сядет на землю и говорит — “можно” или “не можно”, на ощупь, то есть»* (Зап. от Е. И. Федоренко (около 65 лет), А. В. Белошевиченко, 1925 г. р., с. Шмыгли, Полтавский р-н, Полтавская обл. Соб. Е. Самойлова [ПМА. ЛА, 2010]). При проведении посадочных работ придерживались регламентирующих норм, в числе которых был запрет на посадку в день Благовещения, в понедельник (Зап. от В. В. Арсентьевой, 1950 г. р., М. В. Туголуковой, 1949 г. р., д. Лохново, Пинежский р-н, Архангельская обл. Соб. Е. Самойлова [ПМА. ЛА. Аудио 0860, 2011]), в «мужские дни» (вторник и четверг), во время регул [Усачева 2004, 458]. Избегая неравномерного распределения семени, старались не сеять при сильном ветре. Благоприятствовать всходам могла посадка

во влажную землю. Сев, как и некоторые другие виды трудовой деятельности, связывался с представлениями о распределении доли. Примером может служить гадание на «обсев». «Если севец делал обсев (оставлял пропущенное, незасеянное место), считалось, что он умрет в этом году: “Вот Иван сделал обсев, надо быть, ноне умрет”» [Васильев 2009, 498].

Предохраняя рассаду от кур, ее сажали с закрытыми глазами, в особенности первый клубень. Каждый клубень обкладывался куриным пометом. Чтобы капуста вырастала крупной, посадки делали после заката солнца [Васильев 2009, 499].

В Мошенском, Хвойнинском и Пестовском р-нах Новгородской обл., чтобы уберечь капусту от вредоносных насекомых, около лунки или посреди капустной грядки вставляли в землю ветку крапивы: «Тебе крапива кила и вся мошкара», или «Как эту крапиву никто не клюет, так и мою капусту чтоб не клевали» [Климова 2011, 102]. Чтобы клубни росли крупными, рассаду накрывали горшком или рядом с крапивою клали большой камень [Климова 2011, 102].

В Кадуйском р-не Вологодской обл. придерживались особой посевной технологии — «плевали» семена: «*Раньше не садили так*», — вспоминала В. Н. Князева из с. Никольское. — «*Зубы у бабушек были, дак плюют. Берут семена и через зубы — плюют в рассадник. Потом засеют решетом, закроют ее. Раньше называли “плевали”.* “*Ты рассаду наплевала?*”, — <спрашивали. — *Е. С.*>. — *Наплевала. А сейчас, вот эдак посадят (показывает, как щепоткой разбрасывают семена), зароют, посадят, зароют. Легче ведь. Только капусту <“плевали”.* — *Е. С.*>. *А морковь так сияли. Как вот и сейчас. И свеклу также сеют, как сейчас сеют, и лук так же, как сейчас*» (с. Никольское, Кадуйский р-н, Вологодская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2010]). Засевальщица не могла быть беззубой, что объяснялось с точки зрения прагматики и семантики описанных выше трудовых практик. Зубы естественным образом способствовали прореживанию семян и препятствовали

образованию комочков⁵. В «плевании» семени — символика оплодотворения нивы. Семя обволакивалось слюной, обладающей схожими с материнским молоком свойствами — «*через слюну передавали инстинкты материнства, как и через молоко*» (ср. с разжевыванием хлеба, который использовался при изготовлении соски для младенца) (Зап. от Е. И. Федоренко (около 65 лет), А. В. Белошевченко, 1925 г. р., с. Шмыгли, Полтавский р-н, Полтавская обл. Соб. Е. Самойлова [ПМА. ЛА, 2010]). Аналогичных правил придерживались в Закарпатье. «*Чтобы головки капусты хорошо завязались*» [Усачева 2004, 457], семена сажали, взяв в рот. На Средней Пинеге сев капустных семян происходит привычным способом, а используемый при этом термин «*разливать*» указывает на утратившую практический смысл архаичную практику: «*Капусту, дак на Никольской неделе в основном розливали.* <Разливали — это как?> *Рассаду садили. Принесут из леса мох, мох зеленый, и посыплют семечки. А оно <семя. — Е. С.> потом даст отростки. Называется розливать*» (Зап. от В. Н. Князевой, с. Никольское, Кадуйский р-н, Вологодская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2010]).

Дождавшись появления шестого листа на ростке, рассаду помещали в *рассадник* — квадратный сруб небольшого размера, примерно метр на метр (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., Е. А. Александровой, 1958 г. р., Ю. А. Головина, 1953 г. р., Д. Л. Александрова, 1987 г. р., А. С. Александровой, 1986 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2009]). Место для рассадника выбирали на возвышенности, в наиболее освещенном месте. Чтобы защитить посевы от холода, их накрывали старой одеждой: «*закроют фуфайкой, давнишней тряпкой*» (Зап. от В. Н. Князевой, с. Никольское, Кадуйский р-н, Вологодская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2010]). Окрепшее растение пересаживали на грядку.

⁵ Аналогичную функцию в посевных работах выполняло решето.

Выращивание капусты

Следующий этап был самым продолжительным по времени и наименее ритуализованным. Он длился все лето до праздника Воздвиженья (14 сентября), после которого начиналась уборка капусты. Капуста — влаголюбивое растение, поэтому «капустники»⁶ старались разбить в низинах, вблизи рек и водоемов. В засушливое лето возрастала потребность поливов. Приходилось защищать посевы от всевозможных вредителей. Чтобы предохранить капусту от паразитов, ее обсыпали золой, обливали «настоем из нюхательного табака» [Васильев 2009, 499], клали на капусту ветку болотника черного. Когда на капусте появлялись черви, их снимали руками (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., Е. А. Александровой, 1958 г. р., Ю. А. Голovina, 1953 г. р., Д. Л. Александрова, 1987 г. р., А. С. Александровой, 1986 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2009]). Собранных червей сжигали [Климова 2011, 102].

«Капустки», «Капустницы»

Обычно, сезон рубки капусты на данной территории ограничивался праздниками Воздвижения Креста Господня и Покрова. В прошлом веке день рубки выбирался поближе к Покрову, а в настоящее время капусту заготавливают ближе к Воздвиженью — в первые выходные, следующие за днем праздника. «Раньше рубили в октябре, а сейчас, если оставишь, дак унесут: „До свиданья, клубни“. А то, в октябре рубили, особенно, после 10 октября или до 10 октября» (Зап. от П. В. Мишичевой, 1926 г. р., М. В. Филиновской, 1936 г. р., Е. Н. Киселевой, 1938 г. р., д. Климово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 1133, 2007]). «Частники, так до заморозков не рубили капусту. <А в колхозе?> В колхозе так пораньше начинали» (Зап. от И. М. Никуленкова, 1927 г. р., М. А. Никуленковой, 1928 г. р., д. Кли-

⁶ На территории Новгородской губернии «капустниками» называли огороды, предназначенные для выращивания капусты.

мово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]). Во времена коллективного хозяйствования, когда без отдыха приходилось трудиться на колхозных полях, приходилось рубить ночью. «Да раньше ночам... В колхозах-то было много работы. Вот я, например, на день остаюсь и очищаю эту капусту, а вечером женщины приходят» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]).

Помочи

На «капустки» женщины собирались небольшими группами. Сам ритуал представлял собой одну из разновидностей *помочей*. Помочь устраивалась в случаях, когда семья или одинокий крестьянин не могли самостоятельно справиться с сезонной работой — «за недостатком своих „рук“ устраивают помочи (курсив мой — Е. С.)» [Аристархов 2007, 180]. Помочь определялась как *работа не за плату*, а «только за одно угощение» [Кторский 1894, 174] или без оного.

Во время «капусток» совершалась поочередная рубка капусты у каждой из участниц группы. Их можно отнести к женским коллективным практикам («сваживанью», «мелкой помочи» или помочи «по уговору»). В тех случаях, когда помочи устраивались попеременно друг у друга, «такое взаимное互相帮助 не называется помощью, а „сваживанием“ (курсив мой. — Е. С.)», помочь «по уговору» или «мелкие помочи» [Аристархов, Головкин 2007, 477]. В некоторых случаях это была помочь «по старости», когда молодежь помогала рубить капусту старикам. В отдельных деревнях капусту рубили семьями (организация по принципу родственных связей). Работали «по приглашению»⁷,

⁷ Помочи устраивали «по приглашению» и «без приглашения». «В печальных обстоятельствах» (случаи кризисных ситуаций, см. об этом [Авессаломова 2007, 213]) помочи устраивались «без приглашений». К подобному виду можно отнести и помочь

окончание работ завершалось хорошим угощением (исключение составляли голодные военные и послевоенные годы прошлого века).

Группа, участвующая в коллективной рубке «капусты», именовалась *артель* или *партия*. Формирование артели основывалось на дружественных или родственных связях. *«Вот в Толстях артелью рубили. Я к бабушке в Толсть ходила девчушкой, помню, там собирались артелью. Артелью... 5—6 человек»*, — вспоминала жительница д. Дятелка М. И. Петрова (Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]).

Количество участников артели варьировалось от трех до десяти (двенадцати) человек, но чаще всего упоминаются небольшие группы, в которых было пять-шесть участвующих. *«Пять человек, дак за вечер все изрубим»* (Зап. от М. И. Петровой, д. Дятелка, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]). *«Бывает и восемь человек: надо и чистить, надо и вымыть, надо и рубить. А народу-то много надо капусту рубить...»* (Зап. от П. В. Мишичевой, 1926 г. р., М. В. Филиновской, 1936 г. р., Е. Н. Киселевой, 1938 г. р., д. Климово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 1133, 2007]). За вечер успевали нарубить не только «крошиво» для «серых» шей, белую капусту, но и капусту для скотины. В современных трудовых практиках рубка артелью и партиями сменяется заготовительными работами «в одиночку», или приобретает характер исключительно семейный: *«Раньше собирались, а сейчас кажной дома рубит»*, — рассказывала А. И. Захарова (д. Городок, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]). В рубке капусты участвовали только замужние женщины, допускалось участие девушек, которым поручались подсобные работы (обработка «по старости», когда помогают одиноким старикам. «По приглашению» приходили на «дожинку» и «домолоток», «капустки». В этом случае совершался ритуальный обход. Хозяин накануне дня помочи обходил ближайшие деревни, приглашая на помочь

и подготовка капусты для рубки). *«Пожилые все. Да уж, девушки мало касались, что рубить-то. Пожилые рубили, но чистить-то, чистили <девушки. — Е. С.»* (Зап. от П. В. Мишичевой, 1926 г. р., М. В. Филиновской, 1936 г. р., Е. Н. Киселевой, 1938 г. р., д. Климово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 1133, 2007]). Однако, упоминают и молодежные помочи, когда девушки собирались в доме стариков и помогали сделать необходимые заготовки на зиму.

Незадолго до рубки, хозяйка занималась необходимыми приготовлениями: запаривала кадки и дошники, (чтобы предотвратить образование плесени), подготавливала сечки. Сечка представляет деревянное древко длиной около 120—140 см, к одному из краев которого прикреплено лезвие длиной 10—15 см. Лезвия могли иметь изогнутую s-образную форму — в виде математического знака бесконечности, либо прямую — трапезиевидную (такие лезвия называли «ровными»).

В зависимости от выбора места рубки капусты подготовленные кадки и дошник выкатывались на огород или заносились в дом. Под дошник клали сено, амортизационную подстилку, «чтобы помягче, чтоб дно не прорубилось, да и бочка дольше прослужит» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., Е. А. Александровой, 1958 г. р., Ю. А. Головина, 1953 г. р., Д. Л. Александрова, 1987 г. р., А. С. Александровой, 1986 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 3, 2009]). При этом следили, чтобы сена было достаточно и кадка стояла устойчиво. До 60-х — 70-х гг. XX в., когда капусту рубили артелью, хозяйка старалась все подготовить с вечера, в т. ч. могла быть срублена капуста с борозды.

Распределение ролей между участниками ритуала происходило с учетом возрастных и физиологических особенностей. 1—2 человека рубили капусту на грядке и приносили ее для последующей обработки. Такое же количество людей было необходимо для сортировки и подготовки листа.

Процесс рубки капусты требует детального описания, остановимся на нем подробней. Исследования Т. Б. Щепанской, подробно описавшей проекции символики материнства в бытовых предметах, магических приспособлениях и сакральных объектах, позволяют соотнести рубку капусты с символикой материнства. Рубка капусты, как и большая часть занятий замужней женщины, основана на «операции прониимания» [Щепанская 1999, 149]. С использованием сечки связаны фаллические ассоциации. Совершаемые с ней действия предполагают ее погружение в проем, в полость чана — «зачатье». Постепенное наполнение емкости «крошивом» — «беременность», выемка «крошива» — «роды». «Прониимальная утварь прочитывается и как знак коммуникативных норм и табу» [Щепанская 1999, 161].

Готовность «крошива» определяют при помощи сечки: «...на сечке будет сидеть, значит, будет готово» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., Е. А. Александровой, 1958 г. р., Ю. А. Головина, 1953 г. р., Д. Л. Александрова, 1987 г. р., А. С. Александровой, 1986 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 5,

2009]). Для этого сечку опускают поглубже, после чего начинают медленно поднимать: если «крошиво» держится на верхнем крае лезвия сечки — «сидит на сечке», значит, капуста готова и работа завершена, если же нет — процесс продолжался. «Крошиво» должно быть в меру мелким, сильно измельченное «крошиво» называют «каша».

После приготовления капусты для «крошива» рубили белую капусту, предназначенную для засолки, и зеленые верхние листья, которыми кормили скот, употребляя их как витаминную добавку к повседневному рациону.

Структура трудовых практик, связанных с выращиванием капусты, определяется рассмотренной выше последовательностью огородных работ (подготовительные работы, посадка, выращивание, уборка и заготовка капусты). Описывая технологии, используемые в огородничестве при выращивании капусты, я намеренно избегала анализа фольклорных текстов, которые фиксируются в трудовых практиках. Большинство из них сохраняет элементы магической направленности. Перейдем к рассмотрению принципов их организации, в т. ч. и ритмической.

Рубка капусты. Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, д. Усадище, 2009. Фото Е. Самойловой



Ритмическая организация обрядовых текстов

Исполнение обрядовых песен, игр, приуроченных к началу аграрного цикла, было связано с «бужением» земли и, как отмечалось выше, направлено на стимуляцию ее продуцирующей силы. В различных локальных традициях календарные сроки этого периода могли варьироваться (от Сретения до Петрова дня). В Череповецком уезде Новгородской губернии они исполнялись на Пасху: «здесь устраиваются разные игры с песнями» [Васильев 2009, 514]. Играли «Просо сеять», «Уж я сеяла, сеяла леннок...», «Завивать и развивать капусту» и др. Исполнение весенних обрядовых песен регламентировалось установленными нормами [Агапкина 1999, 25]. Игра «в капусту» состояла в «завивании» и «развивании» круга. Обычно, играли девушки, но иногда присоединялись и парни. Корреспондент «Тенишевского бюро» А. Г. Васильев приводит текст и нотацию хороводной песни, записанной в д. Борисово (см. пример 1).

Человеческий голос, обладающий определенной силой и энергией, оказывал воздействие на пробуждение природы от зимнего сна и входил в число средств, которые применялись в обрядовой магии. Семантика музыкально-поэтических форм весенних обрядов прочитывалась через призму мифологических представлений, согласно которым не только текст, но и «звук

вообще и голос в частности обладают оплодотворяющей силой» [Агапкина 1999, 29].

Современные исследователи высказывают различные точки зрения при объяснении использования традиционных форм обрядовой магии. Так, Т. А. Агапкина приходит к мнению, что «магическое воздействие на урожай зависело не столько от содержания песен, сколько от самого поющего голоса» [Агапкина 1999, 30—31]. Отличной позиции придерживается Е. Е. Левкиевская, считающая, что голос лишь «катализирует» заложенные в тексте смыслы, но не создает новых: «определенные звуковые и фонетические приемы организации апотропеического текста усиливают его сакральный статус» [Левкиевская 1999, 52]. Полевые материалы, записанные в последние годы, дают возможность рассмотреть дискуссионный вопрос с точки зрения сохранности элементов магического воздействия. Если принять за рабочую гипотезу, что в условиях разрушающейся традиции обнажаются ключевые (ядерные) основы разрушающейся формы, то *в большей степени трансформации будет подвержена защитная оболочка, а в меньшей — ядро*. Т. е. в результате анализа эмпирических материалов можно показать отношение между «заложенными в тексте смыслами» и воздействием «поющего голоса» как отношение ядра и оболочки. Обратимся к примерам, позволяющим уточнить арсенал магических

Пример 1



«Как мне капустынке не виться!
Белой, белой не ломиться!
Вечер на капустку выпал частый дождик
Дождик поливает, капустынку ломает»⁸
[Васильев 2009, 514].

средств, используемых в современных сельскохозяйственных практиках.

Наряду с невербальными действиями, выполняющимися при посадке капусты, прибегали и к использованию текстов. В Шекснинском р-не Вологодской обл. женщины при посадке капусты обязательно приговаривали:

*«Я капустку сажу,
Капустку беленькую,
Белокачанненькую.
Уродись капустка,
Уродись-ка!
Не будь пустая, будь густая!
Не будь голенаста, будь пузаста!
Не будь густа, будь вкусна!»*

(Зап. от А. П. Голубевой, 1922 г. р., д. Артемьево, Шекснинский р-н, Вологодская обл. Соб. Е. Самойлова [ПМА. ЛА, 2005].

В данном случае мы имеем дело с коммуникативным актом, в котором человек оказывается в роли отправителя, а силы природы, растение в роли получателя. Иллокутивная предназначенность текста выражается в форме повелительного наклонения («уродись-ка», «будь/не будь») и направлена на преобразование мира [Серль 1986]. Цель высказывания распознается в стремлении сделать так, чтобы мир соответствовал словам. Такая направленность придает действенную силу произносимому тексту. Е. Е. Левкиевская выделяет две разновидности апотропеических текстов — *тексты-иллюстрации*, производящиеся параллельно обрядовым действиям, и *тексты-действия*, являющиеся равноправной частью совершаемого ритуала [Левкиевская 1999, 63–64]. В рассматриваемом выше случае описательный характер зачина сменяется действенным (в заключительных формулах).

Рассмотрим принципы ритмической организации обрядового текста. Происходящая смена ритма позволяет выделить пять самостоятельных фрагментов, т. е. мы имеем дело с пятичастной структурой: 1. «Я капустку сажу, капустку беленькую, белокачанненькую»; 2. «Уродись капустка, уродись-ка!»; 3. «Не будь пустая, будь густая!»; 4. «Не будь голенаста, будь пузаста!»; 5. «Не будь густа, будь вкусна!». Каждый из ритмических отрезков имеет смысловую независимость и «прагматичес-

кую маркированность» [Левкиевская 1999, 67]. Иллокутивная цель четырех формул-просьб (т. е. все, кроме первой, иллюстративной) — побудить адресата (капустное семя) осуществить предлагаемое действие. Усиливая воздействие магической формулы, женщины использовали средства звуковой выразительности: *«шепотком говори, пой...»*, *«нада с веселлям идти, с песням»* (Зап. от А. П. Голубевой, 1922 г. р., д. Артемьево, Шекснинский р-н, Вологодская обл. Соб. Е. Самойлова [ПМА. ЛА, 2005].

Как видим, при посадке овощных культур использовались те же ритуальные приемы, что при посадке зерновых. Словесные приговоры произносятся перед севом (высаживанием), а сам сев (посадка) производится или молча, или с внутренней молитвой. Нарушение механизмов преемственности традиций привело к утрате текстов, но современные хозяйки восполняют пробел, сохраняя принцип установления связи с растительным миром. Так, Е. А. Александрова, уроженка д. Усадище Бокситогорского р-на Ленинградской обл., (ныне проживающая в г. Бокситогорске) считает, что человеческая речь оказывает благотворное влияние на рост растений. *«Вообще вот когда что-нибудь сажаешь, нужно... посадил и разговаривать. <...> Я вот посажу, прихожу к себе в теплицу и всегда говорю: “Здравствуйте, мои дорогие. Ну, как вы тут без меня?”. У нас брат и сестренка... Они сажают огурцы и у них рассада такая хорошая, а у нас всегда такая, сначала заморенная. Ну, мы сажаем, и я всегда говорю: “Ну, посмотрите, у соседей какие... А вы у меня? Давайте тоже”»*.» (д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 4, 2009]). Ее мать, Мария Ефимовна, использует формульный вариант, приближенный к классическому⁹

⁹ Ср. текстовые формулы, используемые при засеве зерновых культур: «Уроди, Боже, и на чужую долю!» [Зеленин 1991, 57]; «Благослови/зароди, Господи», «Роди, Боже, на всякую долю — и бідного, и богатого»; «Дай, Боже, на всякую долю — мне и птицам» [Бернштам 1988, 136–137]; «Расти для себя и для соседа. Так-то говорят, что для себя и для соседа. Для себя не растут, для одного, чтоб она росла для себя и для соседа» (Зап.

«Нараста, Господи, у тебя, нараста, Господи, и у меня» [Там же], причем, произносит их не только при посадке огородных культур, но и при передаче семян кому-либо из соседей или родственников, (чтобы «чужая» рука не помешала урожаю). Как и в описанных выше вариантах, структуру этой краткой словесной формулы определяет ритм. Прагматическая направленность выражена императивом «нараста». Это ритмически завершённый отрезок текста, обладающий смысловой автономностью. Знание о средствах звуковой выразительности оказалось утраченным вследствие разрушения механизмов трансляции традиции. Отсутствие звуковых приемов не препятствует использованию текстовых формул при посадке огородных культур. Приведенные выше примеры показывают, что магическая направленность текстов определяется заложенными в них смыслами, которые и составляют их ключевую основу.

Тексты, анализируемые выше, характерны для начального периода земледельческих работ. Кульминационной точкой ритуалов аграрного цикла можно считать рубку капусты. Это обряд с наиболее сложной музыкально-ритмической организацией вербального и невербального текстов.

Рубка капусты. Ритмическая модель и способы ее организации

«Подлаживать надо...». В день, назначенный для рубки капусты, у дошника собиралось от 2-х до 10-и женщин с сечками, которые обычно приносили с собой. Сечку могли держать одной или двумя руками (в зависимости от количества капусты). Попеременно ударяя сечками, женщины старались добиться ритмической согласованности. В Бокситогорском р-не Ленинградской обл. она определяется в терминах *лад*, *ладно*, *под такт*: «Ты вот да я... Подлаживать надо, чтобы в такт выходило» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р. д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]). «Стараюсь, стараюсь, чтобы получилось, а потом привыкнешь — как и надо. За собой надо угадывать, не одной только мне» (Зап. от П. В. Мишичевой, 1926 г. р., М. В. Филиновской, 1936 г. р., Е. Н. Киселевой,

ряшовой, 1935 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]). «И капусту рубили под такт, чтобы вот с сечкам ходили и как что-то музыкальное, там вот что-то музыкальное выговаривало. Так было интересно рубить капусту, дак, ой!» [Там же]; «Я туюкну, потом ты, потом другая, уж. Вот и пойдут, и в лад, и так хорошо получаеце» (Зап. от Р. И. Зверевой, 1940 г. р., А. И. Зубровского (около 60 лет), Н. С. Ткаченко, 1938 г. р., д. Коростелево, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]). Пульсация мелких временных единиц согласуется с уровнем акцентов:

Пример 2



Ритмическая согласованность определялась как *лад*, а несогласованность как *нескладуха*, *невпопад*, *неладно*. Контроль над ритмической организацией осуществлялся женщинами старшего поколения: «Старухи ругали, если молодые *неладно* делали» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]).

Достижали слаженности на слух: «угадывая», «подлаживая», «ловили звук» сечки стоящего справа участника. «Ловить звук. Я ловлю звук этой сечки, <показывает на женщину, стоящую справа от нее>, а она <показывает на стоящую слева от нее участницу рубки> ловит мой звук. Движение идет по солнцу. Вот так и получается» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р. д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]). «Стараюсь, стараюсь, чтобы получилось, а потом привыкнешь — как и надо. За собой надо угадывать, не одной только мне» (Зап. от П. В. Мишичевой, 1926 г. р., М. В. Филиновской, 1936 г. р., Е. Н. Киселевой,

1938 г. р., д. Климово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 1133, 2007]).

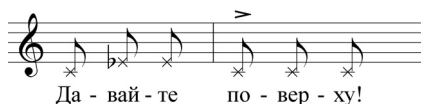
Среди сельскохозяйственных трудовых практик с подобной ритмической организацией информанты называют молотьбу. «Как молотить, тоже надо угадать. А если молотить <неритмично — Е. С.>, руки отнимаются. “Полька, ты чего делаешь?!” <крикнут — Е. С.>. Как угадать?» (Зап. от П. В. Мишичевой, 1926 г. р., М. В. Филиновской, 1936 г. р., Е. Н. Киселевой, 1938 г. р., д. Климово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. Касс. 1133, 2007]). «Под такт как-то вот так получается. Ну, как молотят. <...> Молотят... длинная палка одна, а сюда привязывается коротенькая, и вот, раньше молотили горох, жито, вот так вот это. Наслали вот этот хлеб и ходили. И там тоже **выговаривало**. Ну-ка, давайте подлаживать!» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]). «<Когда молотят, тоже так получается?» Ох, там как! Хоть пляши! Например, мы с ей спаривши <показывает на стоящую рядом с ней женщину>, а она с ей <показывает на другую пару>. И так вот, друг под друга подлаживаются. Вот она с ей, а я с ей. Парно. Вот там красиво вырабатывается» [Там же].

Согласованность рубки зависела от частоты ударов сечек: «Как будете бить, чувствуете чего-то не впопад — надо немножко или побыстрее бить, или немножко поубавить пыл, только и всего. Тут уж ничего не надо!» (Зап. от И. М. Никуленковой, 1928 г. р., д. Климово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]); «Нужно почаще или пореже. Кто-то почаще рубит, кто-то пореже...» (Зап. от М. И. Петровой, д. Дятелка, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 8032, 2008]).

Технология рубки. При рубке капусты могли использоваться различные технологические приемы. Чтобы во время

рубки добиться однородной консистенции «крошива», участники неспешным шагом *движутся по кругу*: «чтоб не на одном месте, чтобы капуста... ровней “крошиво” рубилось» (Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р., д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]). Рубили, чередуя сильные удары, позволяющие прорубить нижние слои капусты, и более слабые, предназначенные для верхних слоев. Рубка нижних слоев определялась термином «прорубить», а верхних — «рубить поверху»: «Нужно было **прорубить**, а потом **поверху рубят**, чтобы не было комочков» [Там же]. Эти приемы чередовались с рубкой капустного листа, находившегося у самого края кадки. Бокковую рубку выполняли более осторожно, стараясь не повредить борта кадки. Смена приема могла происходить по команде одной из участниц. Во время записи реконструкции ритуала в мае 2008 г. М. А. Алмазова крикнула рубившим вместе с ней женщинам: «**Давайте поверху!**» [Там же]:

Пример 3



Переход к рубке глубоких слоев «крошива» сопровождался командой «Теперь опять давайте!» [Там же]:

Пример 4



Смена команд органично связана с изменением частоты ударов. При ударах «поверху» сечка держится одной рукой. Поверхностная неглубокая рубка позволяет достаточно быстро совершать движения (См. пример 2).

«Прорубывание» связано с проникновением в более глубокие слои, что требует значительно больших физических усилий. В этом случае сечку держат обеими руками, меняя частоту ударов.

Пример 5



Ритмическая модель ритуала. Во время рубки капусты женщины могли петь *длинные* песни — лирические позднего историко-стилевого слоя или романсы: «При веселенькой долинке горит печальная луна», «Ты о чем грустишь, калина, в тишине полей» и др., а также *короткие песни, припевки*, как называют в местной традиции частушки. В обряде рубки капусты использовались две типа напевов частушек: протяжные, исполняющиеся во время шествий по деревне, и скорые — «под пляску».

Приведем ритм слоگوпроизнесения протяжных частушек во время рубки капусты, отметив его координацию с ритмом ударов сечкой:

*Полюбила, да и ойкнула —
Далеко дорогой,
Вечера такие длинные,
Приходится одной*

(Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р. д. Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОАФ. 7842, 2008]) (см. пример 6).

С. Р. Кулева отмечает среди важных стиливых признаков, определяющих жанровую специфику мелодизированных (протяжных) частушек, «ведущую формообразующую роль цезур, долгот (принцип «ферматности», протянутые кадансовые тоны), членение строфы на два относительно законченных раздела» [Кулева 2008, 76]. Движение вокруг кадки связано с семантикой круга, женщины идут «по солнцу». Размеренный шаг сочетается с протяжным распевом частушки и мерными ударами сечек. Наблюдение за участниками ритуала позволило определить последовательность сложной ритмической организации: один участник при помощи двух сечек задает ритм, под который подлаживаются остальные, регулируя частоту ударов. Добившись слаженности, женщины начинали медленное круговое продвижение вокруг дощника и только после этого переходили к пению.

В перерывах могли петь частушки «под пляску», тематически связанные с образом капусты:

*Капуста, капуста,
Качальники,
Меня семеро любили,
Все начальники*

(Зап. от М. Е. Александровой, 1934 г. р., М. А. Алмазовой, 1927 г. р., В. Ф. Кудряшовой, 1935 г. р. д., Усадище, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. А. Мехнецов, Е. Самойлова [АФЭЦ. ОВФ. 1155, 2008]).

*Ах, капустка моя,
Мелкорубленая.
Ах, подружка моя,
Ты возлюбленная*

(Зап. от А. К. Бабарики, 1936 г. р., М. К. Плесневой (около 60 лет), с. Сомино, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. Соб. Е. Самойлова, Л. Маркова, Г. Емельянова [ПМА. ЛА, 2005]).

Приведем схему соотношения ритма слоگوпроизнесения частушки под пляску с ритмом ударов сечки (см. пример 7).

Если запедали «под пляску» во время рубки, удары сечек становились неравномерными или вовсе прекращались, что наводит на мысль о несоответствии напева сложившейся структуре¹⁰.

Приведенные примеры показывают, что построение ритмической многоуровневой модели рубки капусты предполагает сложную организацию, последовательно связующую ритм сечки, шага, песни и требующую определенного профессионализма от его участников.

Полевые наблюдения в современной северно-русской деревне показывают, что климатические изменения и трансформации, происшедшие в социально-экономической сфере, приводят к изменению ритма как структурирующего и координирующего начала в сельскохозяйственных практиках. Цикл весенних полевых работ все больше смещается от календарных точек, закреплённых традицией, и приспосабливается к новым условиям. В изменившейся реальности посадка становится не столь ориентированной на получение

¹⁰ Частушка под пляску предполагает передвижение мелким плясовым шагом или статику, а процесс рубки связан с мерным, неспешным движением по кругу.

Пример 6

По-лю - би-ла, да и ой-кну-ла - да - лё - ко до - ро - гой.

Ве-че - ра та-ки - е длин-ны-е, при - хо-дит-ся од - ной.

Пример 7

Ах, ка - пуст - ка мо - я, мел-ко руб - ле - на - я.

Ах, под - руж - ка мо - я, ты воз - люб - лен - на - я.

обильного урожая, как в былые годы, и производится «по возможности», когда появляется время, свободное от производства основных средств материального обеспечения: в выходные или праздничные дни, в отпускной период и т. п. Идентичная картина проявляется и при анализе фольклорных материалов. В обиходе современного огородника остаются сокращенные формульные тексты, сохраняющие заложенные в них смыслы. Исключение отдельных звеньев или их модификация приводят к изменению текстовой структуры, ее организации, а следовательно и ритмоформулы. Современная традиция заготовки капусты утрачивает ритуальный характер: она вытесняется из женских коллективных практик и в лучшем случае становится разновидностью семейной помощи. Сложная многоуровневая ритмическая система оказывается наиболее уязвимой и подвергается существенным разрушениям. Слаженность действий, достигавшаяся средствами ритмической организации при рубке капусты, облегчала тяжелый физический труд, что позволяло сделать необходимые заготовки. Потребность в производстве значительных запасов солений утрачивается, а вместе с ней и смысл в воспроизводстве трудовой коллективной практики с координирующей функцией ритма. Опыт, приобретаемый во время молотбы, пляски, уличных шествий с пением,

остается в памяти старшего поколения и, утратив прагматическую направленность, становится иллюстративным материалом хроник «о былом». Возникающая в наши дни лакуна для инноваций связана с тем, что опыт прошлого сознательно не используется. На смену приходит искусственно изобретаемая традиция [Hobsbawm 2003, 2]. «Капустки», вытесняемые из производственной сферы, обретают постановочный, игровой характер и переключаются на сцены клубов и площадки музеев под открытым небом, что позволяет рассматривать их в контексте практик памяти. Сценическое представление «капусток» — попытка сохранения связи с прошлым и констатация осуществившегося разрыва. Живая традиция архивируется в ячейках культурной памяти, а ритуал замещается искусственно созданным действием, создающим иллюзорность схожести с прошлым.

Сокращения

АФЭЦ — архив Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

ЛА — личный архив.

ОАФ — основной аудиофонд.

ОВФ — основной видеофонд.

ПМА — полевые материалы автора, хранятся в архиве Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова.

Литература

Авессаломова 2007 — Корреспондент Авессаломова Е. В. Вологодская губерния, Вельский и Вологодский уезды, 1898 // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5. Ч. 1.

Агапкина 1999 — Агапкина Т. А. Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

Антипов 2009 — Корреспондент Антипов В. А. Новгородская губерния, Череповецкий уезд, 1898—1890 // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2009. Т. 7. Ч. 2.

Аристархов 2007 — Корреспондент Аристархов А. К. Вологодская губерния, Вельский и Вологодский уезды, 1898—1899 // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5. Ч. 1.

Байбури 1993 — Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бернштам 1988 — Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л. 1988.

Бюхер 1923 — Бюхер К. Работа и ритм. М., 1923.

Васильев, Головков 2009 — Корреспонденты Васильев А. Г., Головков В. В. Вологодская губерния, Вельский и Вологодский уезды, 1898—1899 // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2009. Т. 7. Ч. 2.

Гавришина 2010 — Гавришина В. В. Картофель в хозяйстве белорусов (XIX — нач. XX вв.) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса. Материалы Девярых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2010.

Громыко 1975 — Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

Даль 1998 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 3.

Забылин 1990 — Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990.

Зеленин 1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Климова 2011 — Климова Т. «Чей, чей праздничек, а у капусты дольше всех» //

Витославицы. Альманах. Новгород, 2011. Вып. 2. С. 101—110.

Коринфский 1995 — Коринфский А. Народная Русь М., 1995.

Кторский 1894 — Кторский [Дилакторский П. А.] Несколько слов о помочах в Вологодской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1894. № 2. С. 174—175.

Кулева 2008 — Кулева С. Р. Неизвестная частушка. Вологда, 2008.

Левкиевская 1999 — Левкиевская Е. Е. Голос и звук в славянской апотропеической магии // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

Лобкова 2000 — Лобкова Г. В. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.

Маковецкий 2004 — Маковецкий Е. А. Социальная аналитика ритма. Жиль Делез, или о спасении. СПб., 2004.

Максимович 2002 — Максимович М. Дні та місяці українського селянина. Київ, 2002.

Парадовская 2002 — Парадовская Г. В. Музыкально-хореографические формы в структуре обрядово-праздничного комплекса братчины (на материалах восточных р-нов Вологодской области). Дисс. ... канд. иск. СПб., 2002.

Сахаров 1997 — Сахаров И. Сказания русского народа. М., 1997.

Серль 1986 — Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. URL: <http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/ii2.htm> (дата обращения: 06.02.2011).

Харлап 1975 — Харлап М. Г. Ритм в музыке и стихе // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1975. 3-е изд. Т. 22. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 02.10.11).

Щепанская 1999 — Щепанская Т. Б. Пронимательная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. СПб., 1999. С. 149—191.

Hobsbawm 2003 — Hobsbawm E. The invention of tradition / eds. Hobsbawm E., Renger T. The invention of tradition. Cambridge, 2003.

Summary. The author examines woman's labour practices, which was concerned with growing of cabbage and its chopping. Attention is focused on the rhythmical organization one. Rhythm has been analysed in the context of its specific manifestation in the ritual so and in the wide sense, as housekeeping Source, which is opposed to Chaos.

Key words: rhythm, «kapustki», chopping of cabbage, chopper, labour practices.